

ТАТЬЯНА ЖАРИКОВА

ОЖОГ

РАССКАЗ

Сергей приехал на полчаса раньше назначенного времени. Обошёл вокруг памятника Пушкину, с волнением взглядываясь в немногочисленных прохожих, хотя понимал, что на первое свидание Настя, скорее всего, опоздает. Так положено девочкам. Алые розы, завернутые в целлофан и обвязанные такой же алой ленточкой, Сергей держал неуклюже, неуверенно. Ему хотелось их спрятать за спину, чтобы никто не видел. Казалось, что прохожие смотрят на него с насмешкой, мол, придурок, припёрся на свидание, а девчонка не пришла. Кому ты нужен?

Сергей прошёл в сквер к фонтану и сел на скамейку. Здесь, возле фонтана, в такую жару обычно бывало многолюдно, но сегодня вся Москва была окутана дымом от горящих торфяников, и почти все скамейки пустовали. Он положил цветы рядом с собой, вытер платком лоб и стал смотреть в сторону выхода из подземного перехода, откуда должна была появиться Настя. Он чувствовал, как сердце быстро и тревожно бьётся в его груди. “Здорово было бы, если бы она не пришла!” — мелькнула мысль. Тогда бы он выбросил розы в урну и ушёл.

Вспомнилось, как он долго выбирал розы, крутил в руке, разглядывал, чтоб ни один лепесток не был тронут тленем. Выбирая, представлял, как протянет Насте свой первый букет. Он снова оценивающе взглянул на цветы и подумал: “Как хороши розы! Жалко будет выбрасывать в урну. Может, лучше привезти их своей сестрёнке и подарить?”

ЖАРИКОВА Татьяна (Алёшкина Татьяна Васильевна) окончила Литературный институт имени М. Горького, член Союза писателей России с 1990 года, автор восемнадцати книг прозы и публицистики, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Литературной премии имени Льва Толстого и др. Имеет Благодарность Президента РФ В. В. Путина.

В социальной сети “ВКонтакте” девушка, которую он ждал, представлялась как Настька Ковылёва. И волосы её пахли ковылем. Однажды в автобусе, когда Сергея толпа притиснула к Насте сзади, он почти коснулся носом её волос и вдохнул их чудесный сладчайший запах. Почувствовал нежнейшее щекотание на своём лице её волос и с замершим сердцем отстранился, опасаясь, что она обернётся и взглянет на него. Он надавил на поручень своими сильными руками, оттеснил толпу от Насти, и тотчас же в образовавшийся просвет протиснулась её подруга, и Сергей повернулся спиной к девушкам, словно готовясь к выходу.

В тот день он, счастливый, ворвался к себе домой, увидел сестрёнку Катьку за столом, за компьютером, подскочил к ней и поцеловал в затылок. Волосы у неё пахли точно так, как у Насти. Он подумал, что просто запах волос девушки остался с ним навсегда, и стал, смеясь, целовать сестрёнку в голову, в её такие же нежные и мягкие волосы.

Сестрёнка тоже засмеялась, закрутила головой, приговаривая:

— Ой, щекотно, щекотно!

Катьке было двенадцать лет. Она почему-то больше дружила с ним, старшим братом, которому недавно исполнилось двадцать лет, чем с младшим — шестнадцатилетним Вовкой.

— Ты чо, влюбился? — повернулась к Сергею Катька, глядя на него горящими чёрными глазами.

— Какая ты догадливая! — воскликнул радостно Сергей, и ему снова захотелось поцеловать сестрёнку в её вспыхнувшие от радости щёки.

— Она красивая?

— Очень-очень! И волосы у неё пахнут ковылём.

— А как пахнет ковыль?

— Так же, как ты.

— А почему ковылём?

— Потому что она с далёкого севера, оттуда, где растёт ковыль и гуляют олени. Они с удовольствием вдыхают запах ковыля, а потом едят его. А зимой олени копытами раскапывают снег, вдыхают сладчайший запах и думают, как чудно пахнет ковыль, прямо как волосы Насти Ковылёвой.

— Значит, её зовут Настя? — засмеялась сестрёнка.

— Да, да. Это самое чудесное имя в мире.

— А зачем ты врешь? — серьёзно спросила Катька.

— Откуда ты взяла?

— На севере растёт не ковыль, а ягель. Это его олени зимой раскапывают и едят. А ковыль растёт в южных степях и совсем не пахнет, — назидательно сказала сестрёнка.

— Какая ты у меня умная! — Сергей не удержался и расцеловал Катьку в обе щеки, представляя, что целует он не сестру, а Настю.

— Она с тобой учится? — продолжала расспрашивать Катька.

— Нет, она из другого университета.

— Она знает, что ты её любишь?

— Нет.

— Почему? — удивилась Катька.

— Откуда ей знать!..

— Сам скажи.

— Как же я ей скажу? Подойду и ляпну: “Я тебя люблю!”

— Ну да.

— А если она ответит: “А я тебя нет”?

— Нет, она так не ответит... Это же ты! Разве можно тебе так сказать? Если мне мальчик скажет, что он меня любит, я ему сразу отвечу, что я его тоже люблю.

— А если он тебе не нравится?

— Ну, тогда... тогда... — растерялась Катька.

— Ну, вот видишь!

— А ты ей напиши “ВКонтакте”, задружись, а потом скажешь, — указала Катька на компьютер.

— Это мысль.

— А как ты с ней познакомился?

— Андрей познакомил... — Сергей не стал говорить сестре, что Настя даже не догадывается о его существовании.

— Андрей у тебя хороший друг, — с удовлетворением подтвердила Катька.

— Ну да, — согласился Сергей, со стыдом вспоминая, как Андрей пытался знакомить его с девушками. — Это ты поставила? — спросил он совсем иным тоном, увидев на своём столе маленькую ёлочку, сплетённую из тонкой медной проволоки с нанизанными на неё маленькими бисеринками зелёного и голубенького цвета. Ёлочка стояла в маленьком пластмассовом стаканчике, наполненном застывшим воском.

— Я... Я нашла её в чулане... Ты её так любил, — удивилась его суровому тону Катька.

Сергей взял ёлочку и хотел выбросить в мусорное ведро, но вдруг вспомнил Настю и приостановился. Ёлочку эту сплела и подарила ему на Новый год Кристина, ещё до армии. Да, действительно, он любил держать эту ёлочку в своих руках, разглядывать, представляя, как тонкие пальцы Кристины нанизывают бисер на проволоку, как плетут ветки ёлки, скручивают ствол, закрепляют его в расплавленном воске. Эти видения вызывали томительную нежность в его душе, умиротворение.

Он даже хотел взять ёлочку с собой в армию, но побоялся там её смять, разрушить. Оставил дома дожидаться его. Ёлочка его дождалась, а Кристина нет. Тогда он выбросил ни в чём неповинную ёлочку в чулан, а теперь хотел выкинуть в мусорное ведро. Но вспомнив о Насте, так похожей на Кристину, передумал, почудилось ему, что не Кристина сплела эту ёлочку, а Настя. Не Кристину теперь будет напоминать она, а Настю. Сергей поставил ёлочку на свой стол.

Вечером на тренировке в университетском спортзале Сергей был особенно гибок, быстр, лёгок. Шпага в его руке была неутомима и точна. Тренер обратил на это внимание, и когда Сергей в очередной раз сделал точный укол сопернику, крикнул на весь зал:

— Вот как надо работать!.. Лёша, — позвал он самого лучшего фехтовальщика университета Алексея Чекмарёва, — поработай с Сергеем. На полном серьёзе! — предупредил он обоих студентов. — До пяти уколов. Я судить буду!

Все студенты прекратили тренировку и окружили дорожку, на которой напротив друг друга приготовились к схватке Сергей с Чекмарёвым. Редко когда удавалось Сергею на равных сражаться с Алексеем, но сейчас он был уверен в своей победе. Ему казалось, что Настя наблюдает за ними, болеет за него, и он старался не подвести её. Первый укол он нанёс мгновенно, едва шпаги их коснулись друг друга. Алексей откинул шлем и усмехнулся.

— Держись! — сказал он.

Но и второй укол не заставил себя долго ждать. Зато когда сошлись в третий раз, Алексей сражался яростно, словно на кону стояла его честь, и всё же он не смог коснуться первым гибкого и быстрого Сергея. Пропустил снова. Проиграл он вчистую.

— Что-то ты тяжёл сегодня, — недовольно глянул на Алексея тренер.

— Я не тяжёл, это он... Что-то с ним сегодня... — огорчённо кивнул Алексей в сторону Сергея.

— Работает парень, — ответил тренер и обратился Сергею: — Молодец, Серёга! Будешь так стараться, на Универсиаду поедешь ты, а не он.

Сергей правильно понял, что тренер говорит так, чтоб поддеть Алексея, заставить его тренироваться активней.

Ночью Сергей не спал, вспоминал то бой с Алексеем, то Настю в автобусе, то день, когда он впервые увидел девушку.

В тот день друг его Андрей хотел познакомить Сергея с Наташей, студенткой из Шолоховского университета, которая составляла какой-то молодёжный журнал. Андрею нравились стихи Сергея, и он уговорил его пойти вместе с ним к той студентке, показать стихи. Сергей не хотел идти, стеснялся, говорил Андрею, если уж тот хочет показать его стихи, пускай сам

передаст те, что ему нравятся. Но Андрей упёрся: “Нет, отдашь сам, заодно познакомишься с Наташкой. Она очень энергичная, заводная девчонка”.

Войдя вместе с Андреем в аудиторию университета, где собрались друзья Наташки, Сергей прошёл вглубь помещения, сел за стол и стал прислушиваться к разговору. Студенты распределяли роли в журнале: кто на какую тему напишет статью в ближайший выпуск. Наташка оказалась маленькой щупленькой девчонкой, действительно шустрой, заводной. Говорила быстро, строго и в то же время очень точно и чётко.

Настя Ковылёва сидела позади всех, на другом ряду, сидела молча, видимо, она уже получила задание. Сергей взглянул на неё сбоку, когда она поправила свои длинные прямые волосы, лежащие на плечах, и вздрогнул, похолодел, приняв её за Кристину, у которой была точно такая же густая чёлка, закрывающая лоб до самых бровей. И волосы у Кристины были приятного тёмно-каштанового цвета.

Сергей стал искоса наблюдать за девушкой, так похожей на Кристину. Сердце у него тревожно ныло. “Хорошо, что сижу слева от девушки, — мелькнуло в голове. — Лицо у неё серьёзное, умное. Наверно, отличница!” — Наташка в это мгновение вдруг обратилась к нему, спросила, как его зовут, с какого он курса, почему она его видит впервые и на какую тему он будет писать в журнал? Сергей смутился, замялся, промямлил, что он из университета культуры, что принёс стихи и впервые слышит, что нужно писать какие-то статьи.

— Оставишь мне стихи, посмотрю, — уверенно и властно сказала Наташка и повернулась к другому студенту.

Может быть, и не осталась бы в его памяти Настя Ковылёва, несмотря на то, что она была так похожа на его бывшую девушку, которая, провозжая его в армию, клялась, что дождётся его, если бы не шутка одного из парней. Не помнится теперь, что это была за шутка, но все ребята засмеялись, и Сергей увидел, как оживилось, преобразилось лицо серьёзной девушки с длинными волосами, как вспыхнули, блеснули её глаза. “Нет, она совсем не похожа на Кристину!” — душу Сергея в этот миг вдруг охватил непонятный восторг, словно с ним случилось что-то необыкновенно хорошее. В тот день Сергей даже имени девушки не узнал. Закончили разговор студенты и разошлись. Стихи он оставил Наташке.

Вечером он лежал в постели, вспоминал энергичную Наташку, разговор в аудитории, а перед глазами всё стояло лицо девушки с чёлкой в тот миг, когда оно озарилось непонятным светом. “Нет, она совсем не похожа на Кристину! — повторял и повторял про себя Сергей. — Она очень серьёзная! Она не могла бы, как Кристина, назвать его Жареным! Нет, не могла!”

И утром лицо девушки не выходило у него из головы. Днём в университете он не слушал лекцию, по-прежнему видел перед собой лицо девушки и разговаривал с ней. По дороге из университета домой Сергей, смущаясь, спросил у Андрея:

— Ты всех шолоховцев знаешь, с которыми встречались вчера? Как зовут девушку с чёлкой и длинными волосами?

— Да, симпатичная девчонка, — ответил Андрей. — Но я таких не люблю, слишком серьёзная. Мне пока нравятся легкомысленные. А ты бы мог найти с ней общий язык, — уверенно сказал Андрей. — Узнать, как её зовут?

— Брось. Это я так... — пробормотал Сергей.

— Узнаю, узнаю.

В тот же вечер Андрей позвонил ему и сказал, что зовут ту девушку Настя Ковылёва, она студентка второго курса.

И снова Сергей весь вечер думал о Насте. Запершись в ванной комнате, с тоской разглядывал в зеркале свою уродливую правую половину лица: изрытую глубокими шрамами щёку, скошенный вниз уголок рта так, что виднелся зуб и красный с опущенным вниз веком глаз. Когда он улыбался, зубы справа открывались полностью. Не улыбка, а неприятный оскал. Сергей, зная это, старался улыбаться сомкнутыми губами, никогда не хохотал от души. Поэтому все его считали сдержанным, серьёзным человеком.

“Разве можно полюбить такого человека? — с отчаянием думал он. — Разве может Настя обратить на него внимание? Не полюбить, нет. Просто пройтись с ним за руку. О, какое это счастье — держать в своей руке руку девушки, чувствовать её нежно-бархатистую кожу, беззащитные пальцы, ласкать, перебирать их тонко и бережно! И как недостижимо это счастье для него. Урод! Настоящий урод! Только горба не хватает. Даже у Квазимодо лицо было приятней...

“Жареный!” Да-да, Жареный, тысячу раз права была Кристина, когда порвала с ним сразу после его возвращения из Чечни! Разве можно целовать эту уродливую щеку? Стошнит! Зачем его спасли? Лучше бы он остался дожариваться на броне, пока не сгорел бы совсем!”

Всплыло в памяти, как он, с тревогой вглядываясь в придорожные кусты, покачивался на броне катившего по горной дороге БТРа рядом с шестерыми солдатами из своего отделения и как из этих кустов затрещали автоматные очереди. Четыре пули мигом прошли его насквозь, и он сразу потерял сознание, распластался на броне. Он не слышал выстрела гранатомёта, не чувствовал, как подпрыгнул, взорвался под ним и вспыхнул бронетранспортёр. Сергей лежал, прижимался щекой к броне, которую с каждой секундой накалял изнутри огонь.

Когда после боя сняли его с брони, правая щека его сгорела до кости. Почти год пролежал он в больнице, несколько косметических операций пережил, но так и остался уродом.

Вспомнилось, как Андрей хотел, чтоб и он, наконец, побыл в близких отношениях с девушкой. Привёл двух легкомысленных девчат. Когда посидели, выпили, насмеялись над шутками говорливого Андрея, тот подхватил свою девицу на руки и сказал, смеясь:

— Мы в спальню, а вы тут располагайтесь. Мы надолго.

Сергей, оставшись наедине с девушкой, не знал, как подступиться к ней, что говорить, что делать. Когда он смущённо и ласково прикоснулся к её руке, проговорив: “Какая у тебя нежная рука!” — девушка резко отдернула руку, выскочила из-за стола и бросилась в спальню к подруге и Андрею. Сергей слышал, как она быстро и нервно прошептала им:

— Не могу я! Не могу я с этим уродом!

Сергей, услышав это, выбежал из квартиры.

Утром его долго утешал Андрей, говорил, что та девка полная дура, ни одной извилины, обижаться на такую — самому дураком быть.

— Давай возьмём девушек лёгкого поведения? — предложил он.

— У тебя, что крыша поехала, да? — буркнул в ответ Сергей.

— Чо тут такого? Мы не один раз брали. Среди них есть такие симпатяжки. Плачу я. Позовём ко мне.

Андрей уговорил его, но вышло ещё хуже, чем с теми девицами.

“Урод! Жареный! Кристина права!” — с тоской думал Сергей, разглядывая себя в зеркало.

Ночью он впервые тихо заплакал от отчаяния. К утру смирился. “Пусть так, пусть! Разве не счастье просто видеть Настю издалека? Я никогда не умел свою любовь выразить словами, даже когда уходил в армию, не сумел ярко высказать Кристине свою любовь. Но ведь тому, кто любил и был любим, счастье и сама память о любви. Глубокая печаль и раздумья о том, что в памяти друг дружки мы останемся навсегда молодыми и счастливыми, если бы не внешние обстоятельства, которые разлучили нас”.

Утром он поехал не на лекции, а в её университет. Неожиданно спокойно прошёл в здание с толпой студентов, спешащих на лекции, узнал, в какой аудитории второй курс, и стал ждать в коридоре у окна, когда будет перерыв, притворяясь, что читает книгу. Когда студенты хлынули в коридор, он, делая независимый и спокойный вид, пошёл навстречу студентам, острым взглядом окидывая их исподтишка.

И вдруг словно взрыв вспыхнул в его груди. Настя шла навстречу, повернув голову к подруге, которая что-то говорила ей. С трепещущим сердцем и ватными ногами прошёл Сергей мимо, держась с левой стороны, чтобы она

не увидела его уродливую сторону лица. Счастливый, слетел по лестнице вниз, к выходу из здания.

Он видел её! Она шла мимо, и он чуть не коснулся её плеча! Сергей долго ещё чувствовал лёгкое движение воздуха, которое шло от неё, когда она легко и быстро проплывала мимо.

Так он стал частенько ездить в Шолоховский университет, чтоб увидеть её. Несколько раз был с ней в одном автобусе, и однажды его притиснуло к ней так, что он носом коснулся её волос, вдохнул их сладчайший запах и почувствовал нежнейшее прикосновение её волос к своему лицу.

Услышав совет сестрёнки написать Насте письмо в социальной сети, Сергей удивился, почему он не додумался до этого сам. Ведь туда можно вообще не ставить свою фотографию или поставить какого-нибудь красавца. Нет, лучше ничего не ставить. И он зарегистрировался “ВКонтакте”, но не сразу нашёл Настю Ковылёву, она представлялась там как Настышка Ковылёва. Это домашнее “Настышка” тронуло его нежностью, почему-то появилась надежда, что они могут подружиться, просто подружиться. Он хотел посмотреть на её фотографии. Но все данные её были открыты только друзьям. И он предложил ей себя в друзья. Ответ от неё пришёл быстро. Настя спрашивала:

— А мы знакомы?

Что ей ответить? Она-то с ним не знакома. Это он знаком с ней. Это его даже запах её волос сводит с ума. Но она видела его тогда, у Наташки, когда он приносил стихи, слышала, как он называл своё имя, и Сергей ответил кратко:

— Да.

— Что-то я не припомню, сорри. Не напомните?

Он ответил. Она, конечно, не запомнила его. И они стали переписываться. Было это в последние дни летней сессии. А после экзаменов Настя написала ему, что уезжает в Латвию работать вожатой в лагере.

Как он мучился ночами, представляя, как обнимает её сейчас на берегу моря под лёгкий шум набегающих на песок волн какой-нибудь ловелас-красавчик! “Пусть, пусть! — уговаривал он себя. — Ведь такое счастье не для него. Ему бы хоть изредка видеть её издали. И это невыразимое счастье! А она пусть будет счастлива так, как хочет и с кем хочет! Ему никогда не касаться даже пальцев её руки”.

В августе, когда Москва изнывала от жары и была вся окутана дымом лесных пожаров, Настя вернулась в Москву и сама написала ему. Между строк он читал, что она здорово провела время в Латвии, что радость распирает её и ей нужно с кем-то поделиться. И Сергей расхрабрился, написал ей: “Ты знаешь, а я на прошлой неделе стал победителем межвузовских соревнований! Я — фехтовальщик. Тренер говорит, что у меня реальный шанс попасть на Универсиаду! Давай встретимся, поедим мороженого в “Макдоналдсе”, и ты расскажешь мне, как тебе работалось в Латвии”.

Настя сразу согласилась встретиться у памятника Пушкину, посидеть в “Макдоналдсе”.

И вот он ждёт её, поглядывает на часы, на Пушкина, который стоит к нему спиной, смотрит на выход из подземного перехода, словно тоже ожидает, когда появится Настя. И появится ли вообще? Часы показали пять, время встречи. Сердце Сергея заколотилось сильнее. “Нет, — думал он. — В пять она не придёт. Минут на двадцать опоздает”. И в то же мгновение он увидел Настю. Она легко, стремительно выскочила из перехода к памятнику, огляделась и остановилась спиной к нему метрах в пяти от памятника. Он встал и быстро пошёл к ней, чувствуя, как ноги его слабеют и начинают мелко дрожать.

Сергей подошёл к ней сзади, закрыл своё лицо букетом роз и проговорил тихо, дрожащим голосом:

— Настя!

Она обернулась. Он видел сквозь цветы, как лицо её радостно вспыхнуло, озарилось точно так, как в аудитории, когда он впервые увидел её. И точно такой восторг, как тогда, охватил его, он забыл, что улыбаться на-

до сомкнутыми губами, улыбнулся от души, протягивая ей цветы, и с ужасом увидел, как лицо Насти мгновенно изменилось, словно вместо цветов он протянул ей лягушку. Разочарование и отвращение на миг отразилось в её глазах, но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась уже дежурной улыбкой не ему, а цветам, говоря:

— Какие прекрасные розы!.. Ну что, пошли есть мороженое.

И пошла впереди него. Он шёл следом, с тоской и нежностью разглядывал её полуоткрытую спину, короткие шорты, стройные и загорелые до черноты ноги.

В “Макдоналдсе”, стоя в небольшой очереди (Настя ожидала его за столом), Сергей немного успокоился, принял как должное то впечатление, которое он произвёл на Настю. Подошёл к столу с подносом с бодрым видом и с полуулыбкой:

— Ну что, рассказывай, как ты мучила детей в “Альбатросе”! (Так назывался лагерь, где работала Настя.)

— Ой, — наигранно бодро воскликнула Настя. — Три дня можно рассказывать. Столько событий, столько интересного!

Она стала рассказывать, как они с детьми бывали в Юрмале, в Риге, как ездили в Эстонию, в Таллин. Рассказывала Настя с восторгом, глаза её снова загорелись, и она даже стала изредка отрывать взгляд от мороженого, на миг взглядывая на него. А Сергей любовался ею, стараясь скрыть тоску, охватившую его. Но чем больше Настя говорила, чем чаще взглядывала на него, тем глуше становилась тоска, затеплилась надежда, что пусть не любовь, пусть дружба возникнет между ними после этой встречи, и они изредка будут встречаться в кафе, чтобы просто поболтать.

И когда Настя стала рассказывать, как любили её дети, он не удержался, восторженно воскликнул:

— Разве можно тебя не любить! — и невольно коснулся пальцами её руки.

Настя вздрогнула и быстро отдернула руку, словно к её руке коснулись раскалённым утюгом, и умолкла на миг. Сергеем вдруг вспомнилась девица, которая так же, как Настя, отдернула руку, когда он прикоснулся к ней, и убежала в спальню к Андрею. Вспомнилось и почудилось, что Настя сейчас тоже назовёт его уродом. Он мгновенно сжался, ожидая удара. Но Настя сказала другое, не менее страшное для него:

— Да, да, дети там были чудные! И вожатые... да, вожатые... в общем, я в основном пришла сказать... да, сказать... Я там встретила парня... Он тоже студент... студент МГУ... Мы, наверно, с ним поженимся... Он ревнивый страшно. Всех друзей “ВКонтакте” повычёркивал. Я и пришла сказать, — улыбнулась она уверенней, не глядя на него, — что больше мы переписываться не будем.

“Нет у неё никакого парня... обманывать ещё не умеет...”, — глядел на неё Сергей. Ему стало больно до тошноты. Он испугался, что его вырвет прямо здесь, и быстро встал, сжимая себе горло.

— Я сейчас, — выдавил он глухо и заторопился в сторону туалета, прошёл мимо него и выскочил из здания.

По подземному переходу пересёк Тверскую улицу и двинулся по Малой Дмитровке в сторону Садового кольца. Он не думал, куда и зачем идёт, просто быстро шёл, ощущая в ушах шум и непонятно чей истошный тонкий крик: “А-а-а! А-а-а!” И он тоже постанывал в такт крику: “А-а-а!”

Редкие прохожие в дымной Москве оглядывались на него с удивлением. Вдали, там, где кончалась улица, за Садовым кольцом, сквозь плотный дым виднелась какая-то непонятная зловещая тёмная громадина. Она словно нависала над городом, как какое-то мрачное инопланетное существо. Эта громадина манила его к себе, притягивала. И он шёл, торопился к ней, убыстряя шаг. Почти бегом пробежал подземный переход под Садовым кольцом и выскочил по ступеням наверх на Долгоруковскую улицу. Эта зловещая громадина оказалась недостроенным домом. Окон в нём ещё не было. Сергей за чем-то направился к нему через полуоткрытые ворота.

— Эй, ты куда? — крикнул ему сторож из вагончика. — А ну, вернись!

Но Сергей не обратил внимания на его слова, просто не услышал их, влетел в дом и побежал по лестнице вверх, хрустя рассыпанным по бетону песком. Бежал он долго, остановился, когда задохнулся от быстрого бега. Отдышавшись немного, он вошёл в одну из квартир, у которой были только бетонные стены. Вышел на балкон без перил и стал смотреть на проглядывающие сквозь дым крыши домов. Он не знал, что находится на двадцатом этаже. Сердце у него разрывалось в груди от боли, тоска, страшная тоска давила душу. Он сжимал ладонью грудь, пытаясь унять боль. В голове шумело, подташнивало. Дыма здесь, на высоте, было меньше, и было видно мутно-голубоватое небо. И по этому небу летала стая голубей, ослепительно белая на ярком солнце.

“Почему я не родился голубем? — мелькнуло в голове. — Летал бы я сейчас беззаботно над Настинной головой, любовался бы её счастьем со студентом МГУ... когда тот у неё появится... Что меня держит? Я и сейчас могу стать голубем, я и сейчас могу летать над её головой...”

Сергей шагнул с балкона вниз. Последнее, что он увидел, — это летящие навстречу ему бетонные плиты, сложенные в стопу перед домом.